

**РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ – ДУХОВНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН.
Материалы Международной научной конференции. Часть I. Часть II.
Москва, 2003.**

29-31 января 2002 года Новый гуманитарный университет Натальи Нестеровой в Москве провел Международную научную конференцию на тему: “Русское зарубежье – духовный и культурный феномен”. В форуме участвовали литературоведы, искусствоведы, философы, культурологи из 22-х городов России, а также из стран ближнего и дальнего зарубежья – из Латвии, Белоруссии, Украины, Польши, Болгарии, Чехии, США.

Материалы конференции подготовлены в двухтомном издании редколлекцией в составе: проф.Н.Щедрина, доц.В.Гопман, доц.А.Тоне.

В двух томах общим объемом в 536 страниц собраны доклады, преобразованные в статьи с примечаниями, содержащими новую литературу о писателях-эмигрантах (цитаты с указанием тома и страницы в тексте).

Статьи первого тома объединены тематикой: “Судьба прозы русского зарубежья”.

Раздел открывается обширным изложением Мирослава Заградки из Чехии, обзорающим русскую зарубежную литературу и литературу в России в течение всего XX века. Говоря о периодических изданиях, литературных дискуссиях, тенденциях развития, ученый выражает мнение, что “литературоведение находится на этапе узнавания фактов из жизни и творчества эмигрантов” (1, 12). Однако последующие печатные выступления показывают движение в глубь литературных явлений и преобладание аналитических подходов в освещении проблем.

Типологию жанра “повести изгнания” в эмиграции первой волны осмысляет А.Ванюков (Саратов), раскрывая элегическую поэтику заглавий. Исследователь поэтологически сопоставляет так называемые “повести исхода” 20-х годов Е.Чирикова, А.Амфитеатрова, В.Алова, М.Осоргина и др.

Внимание участников конференции акцентировано на популярных прозаиках, принадлежащих к разным волнам эмиграции, но не исключен и интерес к менее известным авторам. Тематика выступлений позволяет выявить актуальные аспекты исследования творчества тех, кого уже называют классиками. В.Скобелев (Самара) занимается вопросом, соотношения эпического и лирического начал в новелле И.Бунина, выделив в качестве метапризнака сюжетно-композиционную систему бунинской малой прозы. Л.Зверева (Елец) занята выяснением своеобразия мемуаристики и публицистики И.Бунина на материале его книги “Под серпом и молотом” (издание 1975 года, Лондон). Особенности интерпретации образа Иисуса в книге Дм.Мережковского “Иисус Неизвестный” (1932) выяснял Т.Колядич из Москвы. Текст романа сделался общедоступным после московского издания 1996 года.

Роман Бориса Поплавского “Аполлон Безобразов” (1932) публиковался во фрагментах в парижских русскоязычных журналах “Числа”, “Встречи”, “Опыты”, предоставлявших трибуну молодым литераторам. Создавалось впечатление отсутствия целостности текста. После опубликования трехтомного собрания сочинений Поплавского в Москве в 2000 году появилась возможность рассуждать о сводном тексте его поэзии и прозы. О.Латышко из Орехово-Зуево показывает целенаправленное композиционное строение романа, в котором художественно обобщаются современные

автору события духовного естества: Поплавский ищет метафору переживаемой современности.

Г.Лобанова из Уфы, занимающаяся творчеством М.Осоргина, осмысляет его связи с традициями русской литературной классики. Она показывает, что в романах Осоргина (“Сивцев Вражек”, “Вольный каменщик”) сохраняется моральная инвектива и просматривается нравственная эволюция персонажа – “маленького человека”. Относительно прозы Б.Зайцева был предпочтен ракурс “Зайцев и наша современность. В поисках идеала” (Н.Куделько, Орел). Недостаточно изученный роман И.Шмелева “Пути небесные” анализируется с точки зрения антиномичности характера в понимании автора - художника-философа и религиозного мыслителя (В.Компанец, Волгоград). В прозе Вл.Набокова исследователей привлекла тема России (Б.Вегнерска, Польша) и художественные средства “просвечивания” мира “родного дома” и мира “чужбины” (Зд.Пехал, Чехия). Малоизвестному роману Е.Замятина “Бич Божий” (1935) посвятила свое выступление М.Селеменова (Елец). Роман связан с настроенностью писателя периода эмиграции.

Ряд докладов объединен тематикой “М.Алданов – романист”: “Историософский роман Алданова - “энергия жанра” (Т.Дронова, Саратов); “Художественное прочтение философской мысли в творчестве Алданова” (Е.Бобко, Саратов); “Функции символики в исторических произведениях Алданова” (Н.Щедрина, Москва). Н.Щедрина сопоставляет функции символики у Алданова и Вл.Максимова (в романе “Заглянуть в бездну”).

А.Ревякина (Москва) занимается прозаиком, которого начали читать на родине с большим запозданием во времени. Исторический романист Петр Краснов в послереволюционной России был известен как руководящий участник белого движения. Его четырехтомный роман-эпопея “От двухглавого орла к красному знамени: 1894-1921”, впервые опубликованный в Берлине в 1921 году, пришел к современному читателю в трехтомном издании (Екатеринбург, 1994-1995). А.Ревякина создает литературный портрет плодовитого прозаика с трагической судьбой. Роман П.Краснова “За чертополохом” (1922, Берлин) рассмотрел В.Гопман (Москва) в свете традиции русской литературной утопии. Роман вышел из печати в Москве в 2000 году в двухтомнике П.Краснова.

В докладе А.Тоне (Москва) подвергается творческому раскодированию книга эмигранта третьей волны Михаила Безродного “Конец Цитаты”, где исповедальный характер текста маскируется постмодернистскими приемами. Поэтику романа Юрия Дружникова “Ангелы на кончике иглы” анализирует Г.Нефалгина из Белоруссии. В романе конца шестидесятых годов она усматривает соединение реализма с нарождающимся постмодернизмом. И.Мяновска из Польши выявляет феномен “внутренней” эмиграции на примере скульптора, художника, поэта и прозаика Вадима Сидура, написавшего диссидентский метафоризированный текст “Памятник современному состоянию” (“Знамя”, 1992, №9).

Второй том “Русского зарубежья” открывается разработкой И.Захариевой (Болгария) на тему “Вершины завоевания литературы русского зарубежья 1920-1930-х годов”. Автор показывает формирование культурного феномена, именуемого “русская литература в изгнании”, с его высшими достижениями: расцвет лирических жанров и расцвет жанра романа, что компенсировало пренебрежение к лирической природе поэзии и распыление романной структуры в метрополии.

Обособлен раздел “Судьба поэзии русского зарубежья”. Обширный материал, озаглавленный “Поэты – теоретики поэзии и культуры” представлен Л.Алексеевой (Москва). В докладе обозревается и творческая деятельность поэта Василия Сумбатова (1893-1977), эмигранта в Италии, мастера сонетной формы, занимавшегося и

литературной критикой. О молодых поэтах эмиграции пишет А.Шешкен (Москва). Интересует ее “Молодая поэзия “русского Белграда”, недостаточно изученная. Даются сведения о поэтическом кружке “Гамаюн” (1923), о кружке “Литературная среда” (1934), основанного И.Голенищевым-Кутузовым. Подчеркивается, что “русский Белград” как историко-культурное явление существовал два десятилетия, а затем распался.

В.Кудасова (Владимир) анализирует книгу стихов Георгия Иванова “Розы”, осмысляя ее преемственную связь с русской поэтической традицией. В докладе В.Заглобы (Москва) привлекается внимание к личности Алексея Гессена, русского эмигранта в Париже, оставившего малое по объему, но весомое поэтическое наследие, проникнутое обостренным нравственным чувством.

Поэта эмиграции второй волны Игоря Чиннова вводит в литературный обиход Т.Белова (Москва). Чиннов рассматривается в одном ряду с такими талантливыми представителями послевоенной эпохи, как И.Елагин, Д.Кленовский, Б.Нарциссов, которые обогатили русскую поэзию “особым видением мира, новыми ... средствами художественного выражения” [II, 54].

Лейтмотив смерти в поэзии Иосифа Бродского прослеживается И.Перепелкиным (Самара). К эмигрантам третьей волны принадлежит и поэтесса Марина Георгадзе, живущая в Нью-Йорке с 1992 года, автор стихотворных сборников “Маршрут” (Нью-Йорк, 1998), “Черным по белому” (Москва, 2002). Исследователь А.Нестеров (Москва) характеризует ее поэзию как стремление “пробиться к подлинным вещам” - в обход цитат, ссылок и аллюзий.

Второй раздел второго тома озаглавлен “Культурфилософский аспект эпохи русского зарубежья в искусстве и журналистике”.

Доклад Т.Ульянкиной (Москва) посвящен теме российской научной эмиграции XX века с привлечением внушительной библиографии. В 1920-1930-х годах образовались эмигрантские центры российской науки в Германии, Франции, Чехословакии, Югославии. В 1921 году в Праге научные группы объединились в Союз РАГ (русских академических групп). В Чехословакии в 1928 году в РАГ состояло 97 действительных членов и 27 членов-сотрудников. Ученые РАГ читали лекции в университетах в странах проживания. После второй мировой войны центры русской научной эмиграции обозначились в Мюнхене и Нью-Йорке. Деятельность русских ученых-эмигрантов в XX веке – “явление, возникшее на стыке культур и цивилизаций, обогативших друг друга” [II, 92].

И.Реброва (Санкт-Петербург) посвятила свое выступление вопросу о культурно-исторической феноменальности понятия “русский Берлин”. Опорой для нее послужил материал литературной критики начала 1920-х годов на страницах берлинской газеты “Руль” (в числе редакторов – А.Гессен, В.Д.Набоков, погибший в 1922 году, затем Ю.Айхенвальд). Отмечено, что в газете “Руль” отразился “литературоцентризм русской культуры” [II, 107]. А.Млечко (Волгоград) в докладе “Владимир Набоков и “Современные записки”: философия игры” развивает сложную тему о трудности вхождения Набокова-Сирина в литературно-критическое сознание эмигрантов. Обозначаются признаки “игровой поэтики” раннего Набокова.

О.Демидова (Санкт-Петербург) вникает в сферу литературных споров эмигрантов 1930-х годов, прежде всего Г.Адамовича и Вл.Ходасевича, о путях развития современной поэзии. О центростремительных процессах в эмигрантской периодике разных хронологических этапов говорил В.Бодров (Орехово-Зуево) в докладе “Литературные портреты Е.Замятина в журналах русского зарубежья 1940-1950-х годов”. После смерти автора романа “Мы” в Париже в 1937 году замятинские очерки, проза, драматургия, лекции по литературе увидели свет в пространстве эмиграции в

Европе и США. Популярными сделались его мемуарные литературные портреты (о Горьком, Чехове, Блоке и др.). В мемуарах отражалась личность самого Замятина, и прошлое как бы просвечивалось эмигрантским настоящим.

Мемуары художника Юрия Анненкова “Дневник моих встреч: цикл трагедий” комментируются А.Мугурдумовой (Москва), выясняется жанровая специфика “цикла трагедий” в мемуаристике. Личностью искусствоведа Павла Муратова, друга писателя Бориса Зайцева, занимается М.Комлева (Москва). Муратов эмигрировал в Италию, умер в Ирландии. В его книгах “Образы Италии”, “Древнерусская живопись” русская культура выступает как “неотъемлемая часть культуры европейской” [II, 163].

В третьем разделе второго тома (“Философская мысль в изгнании”) излагаются философско-религиозные воззрения тех мыслителей, что оказались за пределами родины территориально, но с идеей России в своем сознании.

В докладе И.Симачевой (Павловский Посад) отражено участие культуролога Е.Спекторского (1875-1951) в парижской еженедельной газете “Россия и славянство” (1928-1934). Наиболее актуальным литературным именем для газеты оказался Ф.М.Достоевский с его “Дневником писателя”, где содержатся “размышления о судьбах России и славянства” [II, 176]. Спекторский, как автор книги “Христианство и культура” (1925), выявлял христианскую основу литературного творчества, в частности романов Достоевского. Он был убежден, что “крупные проблемы жизни неразрешимы без Христа” [II, 177]. В статьях о Достоевском, опубликованных в газете “Россия и славянство”, Спекторский именовал русского писателя “великим наставником” и акцентировал внимание на современном звучании его творчества для эмигрантов.

Л.Жеравина (Волгоград) предлагает филологическое прочтение трудов известного философа Ивана Ильина, посвященных проблемам христианской культуры и классического литературного наследия. Обращаясь к монографии Ильина “Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека” (1918), исследовательница показывает, что в книге Ильина “заложены основы теории диалога как универсальной герменевтической системы” [II, 183].

М.Рассадин (Москва) посвятил свой доклад теме “Онтология зла в творчестве протоиерея Георгия Флоровского”. В годы эмиграции Флоровский жил в Софии, Праге, Париже, затем переселился в США. Богословское наследие Флоровского недостаточно изучено. Относительно природы зла священник-мыслитель заявлял о своей непримиримости с идеей его укоренения как неперменного атрибута бытия. Зло, по Флоровскому, “извращенная личностная деятельность”, которая обволакивает “всю вселенную”. В работе “О последних вещах” отец Георгий уверждал, что ад – “не место, а состояние души”, “распад личности”. Он говорил о “вредных последствиях”, какие зло оказывает на душу человеческую, “нигилируя саму личность” [II, 193]. Г.Флоровский указывал и на “путь избавления” от зла для человека: “...это состояние активности и духовного делания”, что приобретает “в результате борьбы и испытаний” [II, 193].

С.Семенова (Москва) обозревает религиозно-философские течения в русской эмиграции 1930-х годов, упоминая имена выдающихся выразителей философских идей Н.Бердяева, Л.Шестова, С.Булгакова, Н.Лосского и др. Она говорит о значимости духовного вклада в мировую культуру русских мыслителей, оказавшихся в изгнании.

Завершим данный раздел эмоциональным излиянием эмигранта Константина Бальмонта. В статье “Что дают миру славяне?” (газ. “Россия и славянство”, 1929, №9) поэт провозглашал: “...мы, русские, ныне разметанные по всему миру, ... входим в иные сердца следами светлыми. Славяне дают душу миру” [II, 174].

В двухтомном собрании материалов московской конференции впечатляет множество привлекаемых творческих имен, многотемность докладов, различие

научных подходов. Обозначены проблемы, которые в дальнейшем будут изучаться общими усилиями ученых-гуманитариев. Проясняется сложный процесс развития русской культуры XX века, протекавший и в метрополии (вопреки общественным трудностям), и на мировом архипелаге эмигрантской диаспоры.

Ирина Захариева